

Норвежская сказка " Ловля макрелей "

Я вырос у моря. Там, среди волн, я провёл на скалистых островах — шхерах — своё раннее детство.

Моя родина славится хорошими моряками, и в этом нет ничего удивительного — здесь привыкают к морю с младенческих лет.

Едва дети научатся ходить, они уже карабкаются по утрам на прибрежные скалы и часами смотрят, как меняется море.

Они ещё бегают в одних рубашонках, а уже могут сказать, какую погоду обещает море: пососут палец, потом поднимут его и знают — с той стороны, где палец тронет холодком, и жди ветра.

А чуть только они в силах поднять весло, они уже в лодке, уже начинают опасную игру с морской стихией.

В юности я часто выходил в море с одним лоцманом, моим земляком. Это был самый смелый моряк, какого я знал в жизни. Часы, которые я провёл вместе с ним, навсегда останутся самыми счастливыми в моих воспоминаниях.

То, бывало, в легкой лодке мы охотились среди шхер за утками, гагами и тюленями, то на паруснике уходили далеко в море ловить макрелей.

С того времени море всегда неудержимо тянет меня к себе.

Но я не собираюсь предаваться мечтам о прелести морской жизни. Лучше расскажу одну историю, которую я слышал от моего старого друга лоцмана, а теперь хочу поведать вам.

Года три тому назад я приехал к себе на родину. Вместе с моим старым другом мы провели несколько дней в море, возле самых далеких шхер.

Мы плыли на большом парусном судне. Команда состояла из Расмуса Ольсена (так звали моего друга), лоцманского юнга и меня.

Однажды на рассвете мы вышли в открытое море, чтобы ловить макрелей.

Слабый ветерок с берега не мог разогнать тяжелый туман, окутывавший шхеры и голые скалы.

Вокруг нас с хриплым тревожным криком летали чайки, пронзительными голосами перекликались ласточки, а касатки, словно смеясь над кем-то, выкрикивали своё «клик, клик!».

Серо-свинцовое море было спокойным, и только изредка его застывшую гладь разбивал чистик, нырок или стонущий тюлень.

Расмус сидел у руля, а юнга то и дело перебегал с носа на корму, с кормы на нос.

Мой друг Расмус Ольсен был высокий, широкоплечий человек. Лицо его — загорелое, обветренное — казалось простым и добродушным, но во взгляде его серых умных глаз было что-то строгое и пристальное. Так смотрит человек, который привык встречать в жизни опасности.

Когда он сидел — огромный, коренастый — на корме, в своей зюйдвестке, натянутой на самые уши, в широкой серожелтой куртке, окутанный утренним туманом, казалось, что это не обыкновенный человек, а викинг, появившийся, как привидение, из старинных легенд.

Правда, викинги не курили табака, а Расмус Ольсен пользовался им в своё удовольствие.

— Ветер совсем слабый,— сказал Расмус, поглядывая по сторонам и извлекая из глубокого кармана маленькую, дочерна обкуренную глиняную трубку.— Берестяную лодочку и то не перевернёт... Вчера вечером, на закате, облака какой ветер сулили! А сейчас и зюйдвесткой ветер не собрать, не то что парусом!

— Впереди как будто проясняется,— сказал юнга. Он работал веслом на правом борту, чтобы лодку не относило течением к западу.

— Какое там проясняется! — проворчал Расмус.— Ветра не будет, пока не поднимется солнце. А уж тогда его будет больше, чем нам нужно.

Однако скоро потянуло свежим ветерком, так что мы могли отложить вёсла, и наше судно быстро заскользило навстречу открытому морю.

Туман как будто растаял, и мы теперь различали в голубоватой дымке берег и скалистые островки. А впереди лежало бесконечное море, чуть красноватое под лучами утреннего солнца.

И чем выше поднималось солнце, тем яснее становилось небо, тем свежее задувал ветер с моря.

И вот наконец потянул настоящий макрельный ветер.

Скоро мы и вправду напали на косяк макрелей.

Мы закинули удочки и одну за другой стали вытаскивать этих серебристых обитателей моря.

Но радость наша, как всегда, была недолгой.

К середине дня ветер окреп. На море поднялась волна. Удочки пришлось убрать, потому что грузила выбрасывало на поверхность и они прыгали на волнах как щепки. Шквал то и дело обрушивался на нашу скорлупку, обдавая солёной водой и пеной паруса и мачты.

Юнга сидел в большом люке и от нечего делать болтал ногами. Иногда он заглядывал в каюту — посмотреть на часы, которые хранились в большом красном корабельном сундуке.

— Всё любитесь на свои часы и сундук,— сказал Расмус, хитро подмигивая мне.— Да и то сказать, он не зря ими дорожит. Если бы не эти часы и сундук, лежать бы ему теперь на дне моря и кормить рыб.

— Как же так? — удивился я.— Как это часы и сундук спасли его? Расскажите-ка мне, как это случилось.

— Ну, слушайте, коли охота,— сказал Расмус.— Случилось это в прошлом году в октябре. Сильный шторм застал нас, меня вот с этим морским волком — он показал на юнгу,— в открытом море. Я едва удерживал наше судёнышко. И вдруг вижу — идет голландец, голландское, значит, судно. Стал я подавать знаки, чтобы нас взяли. Гоню парня вперёд, чтобы первым на голландца переходил, а он чего-то копаётся, что-то ищет. Ну, а тут накатил на наше судёнышко огромный вал и смыл меня. Уж не помню, как меня вытащили. Открыл я глаза, а моей лодки уже не видно. Говорят, перевернулась она, накрыла моего юнгу — вот этого самого пострела — и пошла ко дну. Я и жизни не рад был. Думаю, как же я на берег без него вернусь?.. А знаете, кого я увидел первого, когда на землю ступил? Его, моего юнгу. Держит в руках свои часы и говорит:

— А часы я всё-таки спас! И они даже идут!

— Скажи спасибо, что сам спасся,— говорю я ему.— Ну а лодку нечего жалеть, хоть и стоила она мне двести пятьдесят талеров. И паруса ещё были новёхонькие!.. Вы спросите, как он спасся? А вот как... Ведь недаром говорят: кому на роду не написано, тот не утонет. Да, да, так оно и есть.

Так вот представьте себе — впереди нас шёл бриг. Вдруг команда слышит — кто-то кричит. Матросы туда-сюда — никого нет. А крик слышен. Наконец подбежали к носу и видят — на волнах прыгает, как мячик, сундук, на сундуке сидит мой юнга и в одной руке держит над головой свои часы, чтобы водой их не замочило.

Ну, капитан дал сигнал рулевому: «Задний ход!» — чтобы моего мореплавателя не опрокинуть, и матросы бросили ему канат. Обвязал он этим канатом сундук, да так, вместе с сундуком, его и вытащили на палубу.

Пока Расмус рассказывал, юнга сидел с самым безразличным видом, словно это его не касается, и по-прежнему болтал ногами.

Между тем ветер стих, и мы снова принялись удить рыбу.

Но Расмус всё время поглядывал на небо и недовольно качал головой.

— На юге опять что-то собирается,— сказал он, раскуривая свою трубку.— Утренний ветерок — это только закусочка. Увидите, нам ещё хорошо достанется! Даже рыба это знает — не клюёт больше. И птицы, слышите, как испуганно кричат? Да, к вечеру разыграется чертовская погода...

В это время у самого борта вынырнул дельфин.

— Поглядите-ка на этого нахала,— сказал Расмус.— Под самым носом вертится. Говорят, что тролли часто принимают вид дельфинов и морочат моряков, пока не потопят лодку...

За разговорами о троллях и всякой нечистой силе, которая губит в море людей, я вспомнил, что слышал в детстве какуюто фантастическую историю о трёх ведьмах.

Я спросил Расмуса, не знает ли он что-нибудь про этих трёх ведьм.

— Как же мне не знать! — сказал Расмус.— Да ведь и вы про них, верно, от меня слышали. А рассказывал мне эту историю один старик, когда я был мальчишкой. Он уверял, что вся эта история случилась не то с его дедом, не то с прадедом, который ходил юнгой на корабле. Нынче над такими рассказами только смеются, вроде как над охотничьими, а в старые времена в них всякий верил. Ну, слушайте. Хотите верьте, хотите нет, а дело было так.

Плавал этот юнга всё лето с одним шкипером на корабле, который доставлял в разные города всякий груз.

И вот когда они должны были отправляться в последний рейс — было это осенью, в самое ненастье,— юнгу точно подменили. Ходит

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

сам не свой, о плаванье и слышать не хочет.

Шкипер очень любил своего юнга, потому что, хоть и был тот совсем молод, а морское дело знал отлично.

Всякую работу делал он легко, весело, одним словом, шкипер был без него как без рук. И вдруг юнга наотрез отказывается идти в море!

С трудом уговорил его шкипер остаться на корабле, пока идёт погрузка.

И вот однажды, когда команда была отпущена на берег, а шкипер отправился закупать лес и доски — уж, верно, он перепродавал их с выгодой! — юнга остался на корабле один.

Сидит он в своей матросской каюте и слышит, что в трюме кто-то разговаривает.

Поглядел он в щель — а там три чёрные как уголь вороны. Ругают они кого-то на все корки, да не на вороньем, а на человеческом языке.

Юнга так и замер. Он сразу смекнул, что это ведьмы, обернувшиеся воронами.

— А нас никто не слышит? — сказала вдруг одна ворона.

И по голосу её юнга понял, что это жена шкипера.

— Кто же нас может услышать? — сказала другая.

— На всём судне нет ни единой живой души, — сказала третья.

Юнга и этих по голосу узнал. Это были жёны штурманов.

— Ну так вот что я вам скажу, — заговорила жена шкипера. — Пора нам избавиться от наших мужей. Слушайте, что мы сделаем. — Она подпрыгнула поближе к своим подругам и заговорила тише: — На третий, день их плаванья мы обратимся в три огромные волны, смоем наших муженьков за борт, а потом и корабль со всей командой потопим.

— Это ты хорошо придумала, — сказали её подруги.

И они принялись втроем обсуждать, в каком месте лучше всего потопить корабль. А так как они были жёнами моряков, они прекрасно разбирались, где проходит фарватер, где какое дно, где какая глубина.

— А вы уверены, что нас никто не слышит? — опять спросила жена шкипера.

— Да ты же сама знаешь, что на корабле никого нет. Чего ты так боишься? — успокаивали её штурманские жёны.

— Боюсь потому, что как мы ни сильны, а есть сила, которую и нам не одолеть, — сказала жена шкипера.

— Что же это за сила? — спросили её подруги-вороны.

— А нас никто не подслушивает? Мне кажется, что в каюте кто-то дышит, — опять сказала жена шкипера.

— Да ведь мы осмотрели все углы на корабле нет ни одного человека. Ну, говори, говори! Что ты знаешь? Что может нам грозить?

— Вот что. Если кто купит, не торгуясь, три сажени дров и выбросит — полено за поленом — на каждую волну по одной сажени, тогда нам конец.

— Но ведь никто же про это не знает, — сказали штурманские жёны. — Так что и бояться нам нечего.

Они громко засмеялись, закаркали и вылетели из трюма.

Когда наступил день отплытия, шкипер снова стал уговаривать юнга идти с ним.

— Может, ты боишься осенних штормов? У печки, возле юбки матери, конечно, спокойнее, — говорил он, чтобы подзадорить юнга.

Нет, юнга ничего не боялся. И он, пожалуй, согласен идти в плаванье, чтобы доказать команде, что он не какой-то ленивый краб, а настоящий моряк. Но вот какое он ставит условие: шкипер должен купить, не торгуясь, три полные сажени берёзовых дров и на один день уступить юнге командование кораблём. А в какой день — это он потом скажет.

— Да где это слыхано, чтобы юнге доверяли командовать кораблём! — рассердил-ся шкипер. — Нечего глупости выдумывать!

Но юнга стоял на своём. Или будет так, как он сказал, или он остаётся на берегу.

В конце концов шкипер согласился — очень уж ему не хотелось расставаться со своим юнгой.

А сам подумал: «Ладно, мы ещё ему мозги прочистим, когда выйдем в море!»

И первый штурман подумал: «Пусть себе командует! А если сдрейфит — мы его проучим!»

И у второго штурмана на уме та же самое.

И вот дрова были куплены, заплачено за них было ровно столько, сколько спросил продавец, и судно отчалило от берега.

Море, против ожидания, было тихое, спокойное, и шкипер то и дело посмеивался над юнгой:

— Погода-то как по заказу для нашего нового командира!

На третий день юнга сказал, что сегодня он берёт командование кораблём на себя.

Море было по-прежнему тихим, небо — ясным. Но юнга приказал команде крепить паруса.

Ну и смеялись над ним шкипер и все матросы!

— Вот это командир! А когда налетит ветер, он, верно, прикажет распустить паруса! Что — все убирать? Или один парус можно оставить?

— Пока можно оставить, а скоро и последний придётся убрать, — невозмутимо ответил юнга.

И вдруг среди ясного дня — никто глазам своим не верил — налетел шквал. Да такой сильный, что корабль едва не опрокинулся. И если бы паруса не были убраны, всем пришёл бы конец.

Теперь уже никто не посмеивался над юнгой.

В страхе смотрели все на огромный водяной вал, который шёл прямо на корабль и грозил накрыть его до самой мачты.

А юнга стоял на мостике и спокойно ждал приближения волны. Когда волна была уже совсем близко, юнга приказал выбрасывать за борт полено за поленом — и непременно по одному, а не по два — первую сажень дров.

Команда без лишних слов бросилась выполнять его приказание.

И едва только последнее полено было выброшено, где-то рядом послышался чей-то предсмертный стон.

Потом всё стихло.

Море успокоилось. Шквал улегся.

— Ну, пронесло! — вырвалось у команды.

— Ты спас корабль и всем нам спас жизнь, — сказал шкипер. — Я говорю это теперь и скажу это на берегу.

— Ещё рано говорить о спасении, — сказал юнга. — Нас ждут испытания похуже этого.

И он приказал крепить последний парус.

Второй шквал был ещё сильнее, чем первый. Никто больше не надеялся на спасение. Но когда уже казалось, что всё пропало, и волна, высокая как гора, была совсем рядом, юнга приказал выбрасывать за борт вторую сажень дров — полено за поленом.

И снова все услышали протяжный стон.

А потом всё стихло.

— Теперь нам надо выдержать третий шквал, — сказал юный капитан. — Он будет самым свирепым. Становитесь все по местам!

И верно, третий шквал был такой, что первые два казались теперь детской забавой.

Можно было подумать, что всё море обрушилось на бедное судёнышко.

И опять юнга приказал выбрасывать третью сажень дров, и непременно по одному полону.

Когда последнее полено было выброшено за борт, тяжёлый, хриплый стон послышался над морем... Потом всё стихло. Волнение в море улеглось. Только волны стали красными, словно от крови.

А корабельная команда долго ещё не могла успокоиться. Пока не пришли в гавань, только и было разговору, что о трёх шквалах.

— И как это наш юнга догадался, что страшные волны можно забросать дровами? — дивились все.

Но юнга помалкивал.

Обратный путь был лёгкий. Корабль хоть и покачивало, но никто не обращал на это внимания.

Наконец открылся родной берег.

— Верно, наши жёны ждут не дождутся нас, — сказал шкипер.

— Может, тот шквал дошёл до самого берега, — сказал первый штурман. — Так наши жёны тоже страху натерпелись.

— Эх, скорее бы их увидеть, — вздохнул второй штурман.

— Не увидите вы их больше, — сказал юнга, слышавший этот разговор.

— Ты что болтаешь, что каркаешь? — накинулись на него шкипер и оба штурмана.

— Я-то не каркаю, а вот ваши жёны и вправду хотели беду вам накаркать.

И он рассказал обо всём, что видел и слышал в тот день, когда остался на корабле.

И правда, вернувшись домой, ни шкипер, ни штурманы не застали своих жён.

Никто не мог сказать, что с ними случилось. В последний раз их видели накануне бури, она бушевала и на берегу. Может, по неосторожности они во время бури и погибли? Кто знает, может, и так.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Пока Расмус рассказывал эту историю и много ещё других, столь же увлекательных и столь же неправдоподобных, наступил вечер.

Тёмные, низкие тучи заволокли небо. Приближалась гроза.

Молнии то падали прямо в море, то извивались змеей, и тогда над непроницаемой завесой облаков вспыхивала огненная бахрома.

Гроза была ещё далеко.

Удары грома едва доносились до нас, море катило светлую, спокойную волну. Но вспышки молний и багровые лучи заходящего солнца окрашивали море в кровавокрасный цвет.

Нам было ясно, что бури нам не избежать.

При последних лучах солнца мы увидели вдаль у горизонта чёрную полосу. Ещё немного — и на волнах появилась белая кайма взбитой пены.

Нас окружали гроза и ночь.

И вот ветер усилился. Наша лодка понеслась как стрела.

Скоро мы уже были у крайних шхер.

При свете молнии мы видели, как высокие пенистые волны бьются о берег, и гул прибоя звучал в наших ушах словно гром.

Расмус зорко всматривался в темноту, что-то в ней отыскивая, а я не мог различить ничего, кроме белой полосы пены, к которой мы неумолимо приближались.

Наконец и я различил маленькую чёрную точку,— это был узкий пролив. Мы проскочили его и вошли в тихую гавань, защищенную от ветра и непогоды высокими скалами.